

Тин Юй прекрасно понимал, что этот пройдоха-дух панды наверняка просто плетет небылицы, чтобы потешить его самолюбие. И всё же, против воли, он почувствовал, как напряжение отпускает, а на душе стало чуточку приятнее. Лицо Тин Юя заметно смягчилось.

— Правда?

Цзян Юань энергично закивал. В конце концов, если не считать его самого, Тин Юй был самым красивым из всех девяноста девяти стажеров. Будучи давним эстетом, Цзян Юань не только симпатизировал ему, но и уже успел внести Тин Юя в список главных кандидатов на роль своей второй половинки!

Довольный Тин Юй решил простить этого ветреного маленького духа медведя. В конце концов, он пришел сюда лишь затем, чтобы приглядывать за этим тысячелетним духом-оборотнем, чтобы тот не натворил бед в мире людей, ну и заодно потискать его за пушистую шкурку. Если Цзян Юань действительно хочет завести роман с кем-то из расы людей, у него, Великого Владыки Фэнду, кажется, нет причин препятствовать.

Однако стоило ему представить, что кто-то другой, подобно ему самому, сможет погладить мягкую и пушистую шерстку Цзян Юаня, как Тин Юю стало не по себе...

Когда Шу Кай вышел в центр сцены, в его голове была лишь звенящая пустота.

Хотя с самого детства он мечтал выступать перед публикой, он не был похож ни на Ван Е, ни на Лу Чжихуэя — тех «старых лис», что успели поучаствовать в куче других шоу, или «разогретых на сковороде» звезд, уже имевших опыт дебюта. Шу Кай был неопытным новичком, и это читалось в каждом его жесте.

Потому он постоянно нервничал.

К счастью, пока он сидел в зале, ему удавалось справляться с эмоциями благодаря шуткам Цзян Юаня, который был еще более зеленым и неискушенным новичком, чем он сам. Но теперь, выйдя на сцену в одиночку — да еще и в сетчатой майке, из-за которой его верхняя часть тела казалась совершенно незащищенной и зябкой, — он чувствовал себя совсем неуютно.

Страх облажаться и опозориться накрыл его, словно бурлящая морская волна, так что даже во время приветствия голос Шу Кая дрожал от волнения.

— Д-добрый день, уважаемые наставники! Я — Шу Кай, стажер из Шэнтянь Эртейнмент!

Ян Чжаньвэй, который из-за Тин Юя негласно следил за Цзян Юанем, прекрасно знал, что этот

стажер неплохо ладит с Цзян Юанем. Пусть их связь была весьма запутанной, но поговаривали, что Цзян Юань был первым духом-оборотнем, ради которого Тин Юй лично спустился в мир людей, чтобы присматривать за ним...

С этой мыслью Ян Чжаньвэй ободряюще улыбнулся.

— Говори медленнее, не нервничай. Я вижу, ты учишься на логиста, так что представь, что мы — посылки на пункте выдачи. Так будет легче?

Услышав это, Шу Кай ответил почти на автомате:

— Наша специальность — это правда не доставка посылок...

Но он тут же осознал, что не должен был открыто спорить с Ян Чжаньвэем, и поспешил неуклюже оправдаться:

— Хотя, если меня выгонят, то, возможно, так оно и будет.

Наставники и стажеры в зале дружно рассмеялись. Волны добродушного смеха помогли Шу Каю немного успокоиться. Он глубоко выдохнул, кивнул работникам за сценой и, обхватив микрофон, замер в ожидании музыки.

Лишь в густом мраке мы вспоминаем о свете ламп,

Лишь в лютый мороз мы мечтаем о теплом солнце.

Лишь отпустив руки, понимаешь — это была настоящая любовь.

Лишь на самом дне тоскуешь о былом величии,

Лишь когда нахлынет тоска по дому, проклинаешь долгий путь.

Лишь позволив ему уйти, осознаешь — это была настоящая любовь.

Но ты уже отпустил его, позволил уйти.

Бокал пуст, взгляд затуманен пьяным сном.

Надеюсь, однажды ты сможешь продлить этот сон.

Но мечты приходят слишком медленно и уходят слишком быстро.

Закрой глаза — его образ всплывет в твоих мыслях.

Может, когда-нибудь ты поймешь:

Все, к чему ты прикасался, рано или поздно увянет и исчезнет.

Поэтому тебе остается лишь одно — отпустить его.

Позволить ему уйти.

Шу Кай выглядел очень жизнерадостным парнем, поэтому никто не ожидал, что для выступления он выберет такую нежную, пропитанную легкой грустью песню. Она напоминала бесконечное признание, доверенное дневнику — повествование о прекрасном прошлом, ценность которого познаешь лишь после потери, о тоске, от которой в ночной тишине на глаза наворачиваются слезы.

По мере того как он пел, его ясные, выразительные глаза постепенно наполнились влагой. Сильное сопереживание охватило наставников и стажеров: все они погрузились в меланхолию, рожденную голосом Шу Кая. На какое-то время в огромном зале не осталось ни звука, кроме его пения.

Кроме Цзян Юаня.

В конце концов, до того как стать духом, он был диким зверем, а став им — остался существом природы. В глазах Цзян Юаня все было просто: пришла весна — пора спариваться, после спаривания — время обзавестись потомством, вырастить его, и так по кругу, из поколения в поколение.

В запутанные людские чувства и страдания он никогда не вникал и не понимал их.

Однако, вспомнив, как Чжу-вацзы перед шоу прожужжал ему все уши о том, что нужно вести себя прилично и не выделяться, Цзян Юань послушно подпер подбородок руками и, подражая остальным, сосредоточенно смотрел, как Шу Кай заканчивает песню.

Сидевший рядом Тин Юй на вид тоже казался глубоко тронутым, но в душе он уже битый час ворчал: «Люди такие жеманные! Прямо как тот паренек по фамилии Лу! Нравится — так добивайся! Получил свое — так цени! К чему эти стенания на пустом месте?»

Петь песни о несбывшемся — еще куда ни шло, но впадать в депрессию по любому поводу, впадать в ярость, если что-то не по их хотению, а потом заканчивать жизнь самоубийством — и всё это ради того, чтобы потом работники Подземного мира разгребали за ними этот хаос!

Особенно в последние годы — как велико же давление в мире людей? Маньяки-убийцы плодятся один за другим, а те несправедливо погибшие души, едва попав в Подземный мир, начинают вопить о несправедливости и требовать суда. Находились даже такие смельчаки, которые в своем неведении пытались судиться с самим Яньло-ваном и судьями!

Судиться в Подземном мире?!!

Они что, всерьез думают, что, выиграв процесс, смогут вернуться в мир живых и прожить еще

несколько лет?!!

Тин Юй злился всё сильнее, особенно при мысли о том, что всякий раз, сталкиваясь с такими упрямыми призраками, он не может их ударить (слишком хрупкие, разлетятся от одного щелчка), а переспорить их не в силах (вечно валяются на полу, воют и бьются в истерике). Ему едва удавалось сохранять образ элегантного призрака перед Цзян Юанем.

К счастью, Шу Кай закончил петь. После короткой паузы громоподобные овации едва не сорвали крышу павильона, а рейтинг трансляции взлетел до небес.

— Это же Шу Кай, да? Поет потрясающе! Я чуть не расплакалась!

— Честно скажу, я рыдаю... У-у-у, вспомнил про своего песика, который улетел на планету кошек! Не могу сдержаться!

— ...песика, улетевшего на планету кошек... сестра, отличное название!

— А-а-а, глядя на его наряд, я думала, он станцует что-то горячее! Не ожидала, что будет такая трогательная песня!

— А-а~ никто не заметил, что сетчатая майка такая прочная? Тьфу! В смысле — пресс такой стильный! Ой, я хотела сказать, поет он здорово~

— По сравнению с тем участником, который пел лирику до него... ну вы понимаете, о чем я!

— Тише, об этом нельзя говорить, а то сейчас набегут его фанатки!

— Какой ужас! Поет — так пой, зачем одеваться так вызывающе, никакой мужской скромности! Как какой-то петух, противно смотреть!

— Вот именно! Еще хочет сравниться с нашим Ван Е? Сначала иди потренируйся еще пару лет дома!

— Я же говорила? Ну вот, началось!

<http://bllate.org/book/21861/2268704>